

Козлова Лариса Алексеевна
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
LarissaKozlova@yandex.ru

Преимственность этапов отечественной социологии в проекции исторического сознания российских социологов

Аннотация. С теоретической позиции социально- и культурно-исторического познания рассмотрены возможные причины отрицания преемственности в истории отечественной социологии и разночтений по этому вопросу. Названная историографическая проблема рассмотрена через понятие исторического сознания социологов старших поколений, обсуждавших вопросы преемственности. Сделан вывод, что отношение к теме скорее объясняется не столько прерывистым характером реальной истории российской социологии, сколько особенностями исторического описания. Предполагается, что эти особенности являются отражением дискретности исторического сознания самих социологов, ментальные истоки которой — в коренных разрывах настоящего с прошлым, наблюдаемых в ценностной сфере отечественной науки XX в.

Ключевые слова: история отечественной социологии; преемственность; историописание; историческое сознание; историческая культура; самоидентификация; разрыв настоящего с прошлым; идеология; социально-культурный опыт; старшее поколение отечественных социологов

Kozlova Larissa Alekseevna
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russian Federation
LarissaKozlova@yandex.ru

The continuity problem of the russian sociology in the projection of historical consciousness of russian sociologists

Abstract. From the theoretical position of sociocultural and historical knowledge, the possible reasons for the denial of continuity in the history of Russian sociology are considered. This historiographic problem is considered through the concept of historical consciousness of senior sociologists. It is concluded that their point of view is explained not so much by the discontinuity in the real history of Russian sociology, but by the peculiarities of historical writing. It is assumed that these peculiarities are a reflection of the discreteness of the historical consciousness of the sociologists themselves. This discreteness originates in the fundamental discontinuity between the present and the past in the value sphere of modern Russian science.

Keywords: history of Russian sociology; continuity; historical writing; historical consciousness; historical culture; self-identification; the discontinuity between the present and the past; ideology; socio-cultural experience; older generation of Russian sociologists

Проблема преемственности в истории отечественной социологии

В современной истории отечественной социологии существуют разные, в том числе и противоположные, точки зрения на вопрос о преемственности её этапов. Чаще всего такая преемственность вовсе отрицается, то есть считается, в частности, что советская социология, получившая развитие в период хрущевской оттепели, не имеет общего с предшествовавшими ей этапами⁷¹². На проблематику преемственности социологии, получившей развитие на рубеже 1950-1960-х гг., обратили внимание представители старших поколений российских социологов, имевшие непосредственное отношение к социологии того времени. Исследования заслуживают не только вопрос, действительно ли этапы отечественной социологии имели/не имели онтологической преемственности⁷¹³, но и то, почему точки зрения на него в названных группах социологов столь заметно разнятся и чаще всего отрицательны, то есть преемственность в отечественной социологии не признается. В фокусе нашего анализа – следующее предположение: в формировании точек зрения представителей старших поколений социологов на преемственность важную, если не решающую, роль сыграли причины внеисторические, т. е. ментальные, связанные с коллективным историческим сознанием и исторической памятью.

Смысл понятия «преемственность в истории социологии», насколько нам известно, в дискуссиях о ней специально не обсуждался. Кстати, это могло служить одной из самых значимых причин разночтений. Мы будем понимать этот термин в значении, лежащем на поверхности любого исторического анализа и здравого смысла. Преемственность – это связь между становящимися или развивающимися процессами, явлениями, этапами, когда новации наследуют элементы прежних, предыдущих состояний. Соответственно, историческая преемственность, в том числе и в науке, предполагает передачу прежнего социально-культурного опыта от поколения к следующему поколению или поколениям, от одного этапа развития – к будущему или будущим этапам.

Почему важен вопрос о преемственности? Он важен в той мере, в какой значимо для настоящего и будущего отечественной социологии адекватное написание её истории. Важно, какое прошлое фиксируется в историческом знании и насколько оно воспроизводит реальную историю. Согласно В. С. Стёпину, стандартный подход к преемственности предполагает представление о кумулятивном накоплении знаний; нестандартный подход, более близкий социологии, рассматривает рост знания «как включающий парадигмальные трансформации». Реализация каждого из этих подходов зависит как от внутринаучных факторов, так и «от характера социокультурной среды,

---

⁷¹² Отметим, что в литературе по истории отечественной социологии можно найти разные представления о ее периодизации. Мы оставляем в стороне рассмотрение вариантов периодизации, поскольку их различия не влияют на характер наших рассуждений.

⁷¹³ В этой статье мы не ставим задачу восстанавливать онтологическую картину, т. е. характер связи, существующей между этапами реальной истории социологии.

создающей преференции одним из возможных сценариев и блокирующей другие» [Стёпин 2016].

Как известно, написанная, зафиксированная история социологии (только в этом виде она и существует для последующих поколений) оказывает обратное влияние на понимание настоящего, прогнозирование и проектирование будущего этой науки; на самоидентификацию работающих социологов, понимание себя и своего места в историческом времени науки, в потоке событий её прошлого, настоящего и будущего. Б. З. Докторов поясняет эту идею метафорически: «Пока прошлое, бывшее существует само по себе, пока оно не изучено и не описано, все состоявшееся пассивно и ничему не учит. Марк Твен говорил, что не читающий человек ничем не отличается от того, кто не умеет читать. Аналогично незнание российским социологическим сообществом своей истории почти равносильно отсутствию этой истории» [Докторов, 2016: 21]. Добавим, что наличие недостоверных знаний об истории социологии – так же, как и её незнание, – выводит существующее сообщество социологов за рамки реального исторического контекста собственной науки, то есть также указывает на отсутствие реальной истории, или на «недоисторию» с неопределенным «местоположением» в ней этого сообщества и присущих ему идей. На наш взгляд, в историописании и с идейной, и с институциональной, и с любой другой позиции более плодотворны поиски преемственности, связанности этапов истории социологии, нежели отрицание прошлого. Какими бы результатами эти поиски ни увенчались. Не исключено, что, как отмечает А. Н. Алексеев, «предметом специального исследования могло бы стать своеобразное соотношение “наследственности” и “изменчивости” в российской общественной науке», разные «ряды» преемственности [Алексеев, 2008]. Так или иначе, обеспечение образа целостности познания – важная методологическая задача.

В обсуждениях проблем преемственности ставится вопрос о том, возникла ли социология в период хрущевской оттепели на рубеже 1950-1960-х гг. совершенно автономно, независимо от предыдущей истории, или имеется связь между ней и предшествовавшей социологией, начало которой было положено во второй половине XIX века?⁷¹⁴ Его – в положительном ключе – поставил Г. С. Батыгин (1951-2003) в главе «Преемственность российской социологической традиции» обширного сборника «Социология в России» (вышел в 1996 г.; 2-е издание, исправленное и дополненное, – в 1998 г.) [Батыгин, 1998]. В основе связи между периодами отечественной социологии, или «непрерывности российской социологической традиции», Батыгин усматривает наличие в каждом из периодов «приверженности категориям диалектики», «духа отчаянного марксистского философствования» (эпитет «отчаянное», по всей вероятности, здесь указывает на то, что философствование приносило много нового в классическую марксистскую теорию, а также не всегда придерживалось канонов

---

⁷¹⁴ Однако реже некоторые авторы ставят вопрос о преемственности между постреволюционной (1920-1930-е гг.) и дореволюционной (со второй половины XIX в.) социологией; между советской, постреволюционной и дореволюционной; и т. п.

научности), «тесной связи с идеологией и массовой пропагандой» [Батыгин, 1998: 24]. Однако автор не развернул подробнее свою позицию в других работах. Эта глава во многом послужила импульсом для обсуждения вопроса о преемственности. В её рамках Батыгин стремится последовательно показать, как марксистская доктрина разворачивалась и модифицировалась в разные периоды истории социологии, начиная свой анализ с рубежа XIX–XX вв. Он рассматривает социологию в нашей стране не только как науку, а шире - скорее как интеллектуальный проект, связанный с самопознанием общества. Как такой проект отечественная социология всегда выходила далеко за рамки академической науки или вузовских курсов, имея близкую связь и с идеологией, и с политикой, и с практикой общественного строительства. Предложенная Батыгиным историографическая схема вызвала неоднозначное отношение и несогласие. Б. З. Докторов инициировал дальнейшее обсуждение вопроса в своих интервью с представителями старших поколений социологов (её анализ см., например в: [Докторов, 2016: 28-48]).

В этой статье не ставится задача установить истинность или ложность предложенного Г. С. Батыгиным взгляда на историографию отечественной социологии, и в частности на преемственность. Но отметим две позиции, принадлежащие различным идейным группам внутри старшего поколения социологов. Такой взгляд не поддержали те представители поколения, которые составили группу шестидесятников (о них речь пойдет ниже). В 1960-х гг. они начали бороться с философией марксизма-ленинизма за автономию социологии как науки. Их было относительно мало в общей массе социологов СССР, но они находились в авангарде реформаторского мышления в социологии. Представители другой линии – оставшиеся приверженцами принципов марксистской социологии и советской идеологии – в принципе разделяют представленную выше историографическую позицию. Они составляли подавляющую часть социологов, многочисленных уже в период хрущевской оттепели, и стояли на теоретических позициях марксистско-ленинской философии, т. е. истмата, определяя собой главную тенденцию. Однако их историческое значение со временем ушло в прошлое. По-прежнему в авангарде – в советское и постсоветское время – оставались шестидесятники, с которыми главным образом и обсуждалась проблема преемственности. Для них более близкими были и есть идеи либерально-демократического усовершенствования общества⁷¹⁵.

Социологи-шестидесятники заняли доминирующее положение в новом историческом времени, которое принесло с собой ценности либерализма и демократии.

---

⁷¹⁵ Между названными группами нет непреодолимого водораздела, поскольку они приобрели свой опыт в одной эпохе, одной социокультурной среде; другая причина – в инерционности любого идейно-смысловой комплекса [Козлова 2008: 62]. Приведем «взгляд со стороны» британского социолога Теодора Шанина, который в конце 2000-х отмечал: «Поскольку человеческое мышление быстро не меняется, то многое из того, что русские социологи теперь говорят, по-прежнему выглядит как советское, хотя это уже не советское. Они воспроизводят этот формат, когда начинают с теории, а потом переходят к чему-то практическому. Способность людей оторваться от прошлого куда более ограничена, чем мы готовы признать. Иногда это начинает напоминать съезд Единой России...» [Теодор Шанин, 2008: 16].

Их мнения, в том числе и на отечественную историю социологии, сейчас лидируют. Вторая позиция в новых условиях и на новом социокультурном фоне, поменявшем облик нашей науки, отправив в прошлое марксистскую социологию, не имеет такого же значения и веса.

Однако нельзя сказать, что оставшаяся в меньшинстве позиция тех, кто до сих пор придерживается традиции марксистской социологии и советской идеологии, элиминировалась полностью. Это может свидетельствовать о затухании, но не прекращении преемственности, основанной на марксистском проекте. Приведем несколько примеров. Так, советский историк социологии Б. А. Чагин (1899–1987), стоявший на марксистских позициях, социологию хрущевской оттепели расценивает как продолжение, этап дальнейшего развития марксистской социологии, начавшейся еще в конце XIX века: *«Новый этап в развитии марксистской социологии характеризуется творческим характером разработки проблем, выдвижением новых тем и вопросов, сближением их с практикой жизни»* (курсив наш. – Л.К.) [Чагин, 1971: 193]. В. Я. Ельмеев (1928–2010) в интервью Б. З. Докторову говорит, что было *«продолжение развития социологии после 1917 г. и до 1960-х гг.»*, что *«букинистические магазины были завалены литературой довоенного времени»* и что *«к сожалению, некоторые представители “постхрущевской” социологии не видят или не хотят видеть развитие социологии в этот период»* [Я был и остаюсь..., 2007: 10]. По его мнению, социология не только не прерывалась, но и была преемственной по марксистской линии: *«В вопросах преемственности следует исходить из наличия разных наследств. У советской социологии наследством служили взгляды русских революционных демократов (Герцен, Чернышевский и др.), труды марксистов, в том числе отечественных (Плеханов и др.), а её продолжением является ныне существующая, но официально не признанная марксистская (материалистическая) социология»* [Я был и остаюсь..., 2007: 11]⁷¹⁶.

О необходимости надличностного анализа

Выше отмечалось, что в конце 2000-х гг. Б. З. Докторов инициировал обсуждение вопросов преемственности с представителями старших поколений социологов, пионеров социологии 1950-1960-х гг., начинавших свою профессиональную деятельность как раз в период хрущевской оттепели. Обращение к ним имело очевидные причины: эти социологи были участниками и наблюдателями большого отрезка истории отечественной социологии, исчисляемого 50-60-ю годами, и многое могли рассказать. Кроме этого источника, Б.З. Докторов использовал и немногочисленные мнения, встречающиеся в литературе. Полученная информация рассмотрена Докторовым в подразделе *«Преемственность или возрождение?»* его

---

⁷¹⁶ Среди питерских обществоведов-марксистов, по-видимому, правомерным будет наметить следующую линию учитель – ученик: М. В. Серебряков (1879-1959), Н. Н. Андреев (1876-1954) - Б. А. Чагин (1899–1987) - В. Я. Ельмеев (1928–2010) – А. А. Галактионов (1922-2002), П. Ф. Никандров (1923-1975) – О. А. Бороноев (г.р. 1937).

обширного труда по интересующей нас тематике [Докторов, 2016: 28-48]. Автор в числе прочих задавал своим собеседникам прямые вопросы, касающиеся природы постхрущевской советско-российской социологии – была ли она продолжением дореволюционной, послереволюционной социологии или возникла фактически «с чистого листа» с конца 1950-х гг.? Результат, как сообщалось, был в основном отрицательный: преемственности не было, хрущевскую социологию «с чистого листа» создали социологи, начавшие свою работу в то время. Однако, на наш взгляд, этот результат нуждается в дальнейшем концептуальном обосновании.

Дело в том, что пионеры хрущевской социологии могли с той или иной степенью достоверности, то есть с поправкой на память и личностные оценки, изложить известные им факты. Но возможен и надличностный анализ. Такой источник, как мнения и воспоминания людей, даже очевидцев, априори требует применения дополнительных инструментов для исследования надличностных исторических фактов, которые по некоторым причинам могли не сохраниться в исторической памяти поколения или не попасть в нее, а также духовно-ментальных особенностей сообщества. Релевантными могут быть средства анализа, предлагаемые социокультурным подходом, социологией знания, теорией исторической науки. Обсуждение ограничивалось и тем, что в нем речь шла о реальной истории социологии, причем более всего с интерналистской точки зрения (наличие/отсутствие учителей; владение/невладение работами предшественников; взаимоотношения в сообществе; институциональные и иные формы, в которых развивалась социология и т. п.). А этого не достаточно, поскольку важно исследовать написание истории социологии опять же как коллективный ментальный процесс. Поясним сказанное.

Для историографического и исторического исследования принципиально важно различать историю отечественной социологии как реальную, или «объективную», то есть как пережитую и наблюдавшуюся последовательность событий, процессов и явлений, происходивших в науке и в окружающем её социуме, и как субъективный, ментальный процесс, то есть как историческую репрезентацию – результат рефлексии над этими событиями, их описание и анализ. Второе историки называют историописанием. Таким образом, можно выделить историю как последовательность общественных процессов и историю как историописание. Вторая тесно связана с историческим сознанием, исторической памятью - ментальными характеристиками сообществ, пишущих историю. Эти свойства оказывают непосредственное влияние на то, какой будет написанная история.

Очевидно, что для создания адекватной историографии истории отечественной социологии важно исследовать не только реальную историю этой науки, но и особенности историописания, то, как возникают представления об истории. Если первому в социологической науке посвящено довольно большое количество текстов, в том числе и рассматриваемое нами обсуждение, то вопрос о втором практически не ставился нигде. Иными словами, обсуждение субъективной стороны *написания*

истории социологии (т. е. её историографии, историописания), саморефлексия над познавательными процессами не предпринимались. А потому важно получить представление о том, как формировались взгляды историков социологии и социологов старших поколений, интересовавшихся прошлым этой науки⁷¹⁷, их историческое сознание и историческая память, порождая соответствующие ментальные установки; насколько достоверно последние позволяли воспроизвести реальную историю науки, в том числе и по вопросам о преемственности. Особенно актуальной эта задача становится в свете того, что все большее развитие получает точка зрения на реальную историю российской социологии как не прерывавшуюся⁷¹⁸. Как раз на попытке учесть ментальные установки социологов и основываются наши последующие рассуждения об историческом сознании и исторической памяти их старшего поколения.

Историческое сознание, историческая культура и история социологии

На наш взгляд, то, какой будет написанная история, или облик истории, - будь то истории общества или науки, зависит от трех факторов: *когда* она пишется – в какое историческое время, эпоху; *где* – в каких культурных и общественных условиях; и *кем* – каковы зависящие от «*когда*» и «*где*» историческое сознание и ментально-духовные поколенческие особенности пишущих историю.

Историописание истории отечественной социологии напрямую связано с характером исторического сознания социологов, с их коллективной исторической памятью. Категория «историческое сознание» разрабатывалась в исторической науке, философии, антропологии. К некоторым идеям известных отечественных историков – теоретиков и методологов - мы сейчас и обратимся. Правда, их объект – не история социологии, а Большая история или история исторической науки. Стимул к такому обращению - в убеждении автора статьи в том, что между всеми этими видами истории существуют явные теоретико-методологические параллели, общие для всего комплекса исторических наук, независимо от их предметной области.

Признанным теоретиком исторического сознания в нашей науке считается историк М. А. Барг (1915-1991), который еще в 1970-1980-е гг. разрабатывал

---

⁷¹⁷ В их число мы включаем социологов разных специализаций, поскольку историю социологии пишут не только немногочисленные специалисты в этой области, но и представители других дисциплинарных областей социологии. Речь идет об исторических свидетельствах, воспоминаниях, интервью и других письменных источниках, в которых социологи описывают или анализируют прошлое своей науки, приводят известные им факты и события. Таких работ в последние годы появилось немало.

⁷¹⁸ Точка зрения на то, что социология в России определенным образом существовала и в период 1940-1950-х гг., не является доминирующей, однако этому вопросу ряд работ посвятил Г. С. Батыгин, она разделяется автором этой статьи; аналогичной позиции, например, придерживается А. С. Капто: [Капто 2018]. Мы сказали бы, что в силу процессов реорганизации социологии и ее социально-политической среды, социология в конце 1930-х гг. была временно – до рубежа 1950–1960-х гг. – вытеснена из корпуса общественных наук (подробнее см. нашу статью: [Козлова 2016]). В 1940-1950-е она существовала в латентной форме, то есть неинституционально и не являясь научной дисциплиной. Однако и в эти годы марксистская социология преподавалась в вузах, а ее идейные постулаты применялись для «критики буржуазной социологии». Исторический материализм заменял собой социологию, считаясь ее теоретическим уровнем. Подробнее о функционировании социологии в 1940-1950-е гг. в рамках философских академических структур см. в нашей статье [Козлова 2018].

концепцию исторического сознания как культурную универсалию. Как утверждает историк Л. П. Репина, идеи Барга восходят к ранней работе Ю. А. Левады «Историческое сознание и научный метод» [Левада, 1969], в которой концептуализируется это понятие⁷¹⁹.

Современные историки (М. А. Барг, Б. Г. Могильницкий, Л. П. Репина, И. М. Савельева, А. В. Полетаев и др.) связывают *историческое сознание*, в частности, со способностью из настоящего видеть реальность одновременно через разные модусы времени. Так, Л. П. Репина дает следующее определение: «Историческое сознание в собственном смысле слова – это такая *форма общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени – прошлое, настоящее и будущее*. Только их сопряжение (*что возможно лишь на почве настоящего*) в состоянии перевести статику воспоминания и созерцания в динамическую форму предвидения и целеполагания» (курсив наш. — Л.К.) [Репина, 2018: 50]. В этом определении подчеркнем два важные для нас момента: историческое сознание *объединяет все три исторических времени*, то есть имеет проецируемые ретроспективу и перспективу. Сопряжение этих времен в сознании возможно лишь на почве настоящего. Иными словами, *отношение к прошлому всегда связано с проекцией на него настоящего*.

Барг отмечает, что историческое сознание в плане теоретическом содействует самопознанию общества. А в плане «прикладном» оно не только определяет способ фиксации исторической памяти – будь то наука или миф, - но и *определяет, что именно должно быть отобрано для историографии*. Как пишет Барг, оно определяет «отбор, объем и содержание достопамятного, т. е. выступает по отношению к историографии в качестве области нормативной и рефлексивной» [Барг, 1987: 6]. От исторического сознания, формируемого культурой общества, зависит не только то, что именно будет «отобрано» в качестве элементов истории, но и каким будет «способ фиксации исторической памяти (миф, хроника, история)... схема организации исторического опыта («тип историзма») и тип историописания («тип исторического письма»)» [Репина, 2015: 9], т. е. какой облик в итоге примет написанная история. Подчеркнем, что все это согласуется именно с ценностями наличной культуры, культуры настоящего.

Отсюда важным для понимания того, как и почему пишется история, является изучение самой *исторической культуры*, в которую погружены авторы историописания. Разъясняя это понятие, специалисты в области теории исторической науки подчеркивают, что историческая культура – «*понятие, отражающее различные*

---

⁷¹⁹ По мнению Левады, историческим сознанием охватываются все сложившиеся стихийно или в науке формы, в которых общество осознает свое прошлое - «воспроизводит свое движение во времени». Историческое сознание различается от эпохи к эпохе, однако всегда есть система социальной памяти, в которую включаются как «практические» (народные предания, мифологические представления), так и «теоретические» ее формы. И в этой системе научное знание об истории выступает моментом, важность которого постоянно возрастает. Левада различал «короткую память общества» и «опосредованную, долговременную социальную память», причем включал в историческое сознание все варианты сознательного и бессознательного, научного и мифологического запоминания прошлого [Левада 1969: 191-193].

формы отношения человеческих групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным... Изучение исторической культуры предполагает анализ способов социального производства исторического опыта и форм его манифестации в жизни сообществ» (курсив наш. — Л.К.) [Теория..., 2016: 165]. По мнению Л. П. Репиной, для комплексного изучения исторической культуры как феномена плодотворным может оказаться новый подход, в основе которого — *«синтез социокультурной и интеллектуальной истории, что предполагает анализ явления интеллектуальной сферы в широком контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества»* (курсив наш. — Л.К.) [Репина, 2006: 9].

Идеи о влиянии наличной культуры на «отбор, объем и содержание достопамятного» в широком контексте опыта и ментальности, как представляется, с новой силой воплощается в концепции современного немецкого историка и культуролога Алейды Ассман. Она вводит понятие *темпорального режима культуры* [Ассман 2012]. Под ним автор понимает «комплекс культурных постулатов, ценностей и установок, которые даже, не осознаваясь самим индивидуумом, управляют его желаниями, поступками, чувствами и представлениями» [Ассман, 2017: 15]. Для разных эпох характерен свой темпоральный режим культуры. Режим эпохи модерна в 1980-е годы стал переживать глубокий кризис, вызванный тем, что с введением в исторические концепции понятий «культура», «идентичность», «память» время перестали понимать как объективно данное. Как следствие, пишет Ассман, «прежняя темпоральная онтология теперь осознается в виде культурной конструкции с её специфической историей» (курсив наш. — Л.К.) [Ассман, 2017: 197]. Распространение получила точка зрения, что прошлое изменило для нас свою сущность и переживается по-другому: из «чистого прошлого» оно превратилось в такое прошлое, которое нельзя отделить от человеческих переживаний, человеческого опыта и его осознания. Возможно, в построениях этого автора содержатся некоторые ключи к пониманию сегодняшнего отношения наших старших коллег к прошлому своей науки. Модель Ассман интересна нам и с той позиции, что у автора был некий личностный мотив, побудивший её к созданию концепции, сходный с мотивом интереса к теме преемственности, который испытывает автор данной статьи. Параллель обоих случаев явно усматривается и во временном разрезе, и по отношению к возрастной группе академического сообщества.

Так, во введении к своей книге «Распалась связь времен? Взлет и падение темпоральной культуры Модерна» [Ассман, 2017] Ассман пишет, цитируя немецкого историка культуры и литературы Андреаса Хюссена, что в структуре западного (куда входит и российское) исторического сознания примерно с 1980-х гг. превалировавший ранее интерес к будущему повернулся к историческому прошлому, «что разительно отличается от модернистских устремлений первых десятилетий XX века». На причинах этого поворота, в которых пытается разобраться Ассман с исторической и

феноменологической точек зрения, мы здесь останавливаться не будем. Важно отметить другое. Ассман с удивлением заметила, что старших поколений академического сообщества этот поворот не коснулся: «Это особенно чувствовалось, - пишет Ассман, - в моих разговорах с представителями старшего поколения, моими академическими наставниками (возрастная когорта тех, кто родился примерно в 1926 году). Они и слышать не хотели о сдвигах в темпоральной культуре по той простой причине, что не придавали им никакого значения. Речь идет, прежде всего, о выдающихся модернизаторах, которые постановкой исследовательских проблем и разработкой научных концепций коренным образом реформировали академическую жизнь; именно им особенно трудно удавалось признать, что возврат прошлого и память о нем стали ключевым феноменом для западного общества». Такую реакцию Ассман объясняет личностными мотивами представителей поколения, своеобразием приобретенного научного опыта, отношением к пройденному в науке пути: «Поворотные моменты в культуре не являются некой абстракцией – они отражаются на личном опыте и индивидуальном понимании окружающего мира. Эти поворотные моменты непосредственно затрагивают самих ученых, имея дело со своеобразием поколенческого опыта, с эмоциями, с мировоззренческими ценностями, с профессиональной карьерой и творческой биографией. *Поколение новаторов олицетворяло собой страстную веру в будущее, несовместимую с возвратом к собственному прошлому...* Я натолкнулась на удивительно сильное эмоциональное сопротивление моих академических наставников» (курсив наш. — Л.К.) [Ассман, 2017].

Взгляд на проблему преимущественности через призму исторического сознания социологов

Рассмотрим вопрос об отношении старшего поколения социологов к преимущественности российской социологии, применяя кратко описанные выше представления современного историко-теоретического знания и перспективу поставленных выше вопросов «когда», «где», «кем» писалась/пишется история нашей социологии. Для этого примем допущение, что процесс реального развития социологической мысли в России, начавшийся в конце XIX в., не прерывался. Абстрагирование от характера реального развития позволит отделить «объективные» составляющие истории от «субъективных», чтобы сосредоточить внимание на внеисторических, т. е. духовно-ментальных основаниях точки зрения на преимущественность.

Одно из таких оснований – историческая память как часть исторического сознания, т. е. общий совместно пережитый опыт. Каковы особенности этой памяти вообще и у представителей старшего поколения, в частности? При воспоминаниях о прошлом отбирается то, что ближе согласуется с социокультурными требованиями настоящего (презентизм). Л. П. Репина утверждает, что базовая социальная функция

истории – организовывать, упорядочивать и даже «поправлять» опыт прошлого, исходя из условий и нормативов современности [Репина, 2018: 54-55]. Эта функция обострилась из-за смены ритма времени, «“разрыва временного континуума” на переломе эпох», кризиса линейной темпоральности. Рассматриваемое здесь обсуждение проходило во второй половине 2000-х гг., но посвящалось событиям рубежа 1950-1960-х гг. и еще более дальней ретроспективе. Сам этот рубеж представлял собой безусловный «перелом эпох», смену исторической культуры. 1990-2000-е гг., темпорально и ценностно отдалившие для группы старших социологов рубеж хрущевской оттепели и воспоминания о нем, стали еще одним рубежом, еще одной трансформацией памяти. На прошлое проецировались уже совсем иные ценности, которые старшие социологи, в особенности шестидесятники, исповедовали в это время и которые значительно отличались от их ценностей на временном континууме советской социологии до и после рубежа хрущевской оттепели. Такие трансформации памяти не могли не сказаться на воспроизводстве прошлого. Об этом подробнее – чуть ниже.

Следует заметить в качестве отступления, что современные ученые вообще склонны разделять саму (реальную) историю и историческую память, более того, противопоставлять их. Как пишет философ М. М. Федорова историки, философы, психологи отмечают, что в конце XX – начале XIX в. «память – в ущерб истории – заполнила собой все пространство отношений человека к своему прошлому, более того, она встала над историей в качестве главного способа управления прошлым... история и память, всегда тесно взаимосвязанные, оказались в состоянии жесткого противостояния, доходящего до разрыва...» [Федорова, 2018: 109]. Такое разделение истории и памяти берет свое начало в теории коллективной памяти М. Хальбвакса, созданной еще в первой половине XX в.⁷²⁰. Память принадлежит лишь некоторой поддерживающей её социальной группе и не выходит за рамки последней; поэтому память фрагментарна, изменчива. История же находится вне групп, над группами стремится «к унификации, установлению некоего единства». Хальбвакс считает понятие памяти средством объединения и самоидентификации группы. Ему принадлежит и мысль о том, что история начинается лишь там, где заканчивается коллективная память группы с её экзистенциальными переживаниями; тогда история восстанавливается как внешнее время, «абстрактное знание». «Собрать в единую картину всю совокупность произошедших событий возможно лишь при условии их полного отделения от памяти социальных групп, хранящих о них воспоминания», - пишет Хальбвакс (цит. по: [Федорова, 2018: 111]). Разделение «мира истории» и «мира памяти» признано важным эвристическим принципом и развивается многими современными историками и философами. Для М. Хальбвакса, как пишет М. М. Федорова, оно стало «отправной

---

⁷²⁰ См., например, русский перевод его книги «Социальные рамки памяти» (1925) [Хальбвакс 2007] или пока не переведенную книгу «Коллективная память» (первое посмертное издание – 1950).

точкой для дальнейших исследований укорененности и механизмов развития памяти в конкретной социальной группе» [Федорова, 2018: 111].

Попытаемся предположить, что сопутствовало формированию памяти об истории российской социологии у представителей старшего поколения российских социологов. Они пережили несколько эпох, несколько разрывов в историческом времени и, соответственно, несколько трансформаций исторического сознания. Каждый такой разрыв влиял на наличные ценностные структуры, в том числе и на ценности социологии как науки и идеологии, корректировал историческую память о её прошлом. В конце 2000-х гг., когда проходило интересующее нас обсуждение, представители старшего поколения социологов находились на этапе «другого настоящего», не зависящего от пространства марксистской и марксистско-ленинской социологии. Обновление ценностей проецировалось на прошлое, порождало новые ментальные установки по отношению к нему и новую «сборку» истории. Все эти новшества выражались в *отрицании связи с дохрущевским временем*, когда господствовало марксистско-ленинское мировоззрение. Так разрывы исторических эпох разрывали и само историческое сознание сообщества социологов, порождали представления о дискретности отечественной социологии, отрицание преемственности. Эта же идея наглядно выражена историком Б. Г. Могильницким по отношению к его собственной науке: «Именно радикальный характер совершившихся в XX в. перемен обусловил весь драматизм, даже трагизм сложившейся для нашей дисциплины ситуации. Порвалась связь времен. В широком общественном сознании, да и среди самих историков, утвердилось представление о коренном разрыве настоящего с прошлым, а следовательно, и о том, что знание прошлого не может служить руководством к пониманию настоящего и предсказанию будущего - уже в силу непохожести на настоящее» [Историческая наука..., 2000: 13].

Каким был механизм «забывания», дискретности представлений об истории отечественной социологии? В наше время может показаться странным, что до 1980-х гг. в социологии не было заметного интереса к её истории, к воссозданию традиции, установлению преемственности. Задача «поиска нитей с прошлым» отечественной культуры, ментальности людей, политики, морали и т. д. старшим поколением тогда не ставилась вообще, поскольку, как пишет Б. З. Докторов, доминировала концепция *«качественное отличие» от существовавшего в стране до 1917 г.»* [Докторов, 2016: 29] (курсив наш. – Л. К.).

Для многих социологов такая позиция была вынужденной. Однако она передавалась по цепочке от более старших, создавая «традицию» прерывания связи с прошлым и закрепляя её механизм. Так, например, если старейший историк отечественной социологии Б. А. Чагин (1899–1987) по идеологическим соображениям не имел возможности писать о связи советской социологии с дореволюционной и постреволюционной, поскольку требовалось отрицать научность всех немарксистских даже не марксистско-ленинских направлений социологии (о нем – чуть ниже), то более

молодые его коллеги, например видные социологи-шестидесятники Т. И. Заславская (1927-2013), В. А. Ядов (1929-2015) и многие другие, исходно стоявшие на позициях марксизма, уже не испытывали интереса как к «буржуазным», так и к марксистско-ленинским направлениям постреволюционной социологии. Тому у прогрессивно настроенных шестидесятников были не только научные, но и политико-идеологические причины, побуждавшие отмежеваться от идей досоветского и раннесоветского прошлого. Но отрицательное отношение к историческому прошлому таким образом закреплялось и передавалось другим поколениям. А. Н. Дмитриев, обстоятельно исследовавший академический марксизм 1920–1930-х гг., пишет: «...после крушения коммунистической системы, сам образ “репрессированной науки” воспринимается и как необходимая составная часть представлений позднесоветского академического сообщества, пытающегося с конца 1960-х гг. так или иначе эмансипироваться от коснеющей и малоэффективной власти и легитимирующих её идей» [Дмитриев, 2007].

Приведем примеры из упоминавшегося труда Б. З. Докторов и других работ, позволив себе использовать для наглядности многочисленные цитаты из высказываний социологов старших поколений. Б. А. Чагин, хотя он был очевидцем и участником постреволюционной науки, еще включавшей в себя органическое, психологическое, неокантианское и другие направления, в своей книге «Очерки истории социологической мысли в СССР» [Чагин, 1971] утверждает, что «социологическая мысль в СССР стала развиваться с ленинских постреволюционных работ», а ныне признанных основоположников русской/российской социологии «упоминает лишь в критическом контексте». Среди них Чагин называет П. Струве, Е. Трубецкого, С. Булгакова и Н. Бердяева, которые «поносили материализм, широко пропагандировали идеи мистика В. Соловьева», а также «отстраненных от преподавания и вскоре покинувших Советскую Россию» С. Л. Франка, Л. П. Карсавина, Н. О. Лосского, П. А. Сорокина. [Докторов, 2016: 30-31]. Из этих высказываний Чагина ясно, что под идеологическим прессингом советского времени «правильной» признавалась лишь марксистская традиция дореволюционной социологии. Несмотря на то, что всякая немарксистская социальная мысль тогда сознательно отменялась как идеалистическая, буржуазная, Чагин и его современники, разумеется, знали труды этих идеалистов. В своей книге Докторов рассказывает: на вопрос И. С. Кона, адресованный Чагину, не располагает ли он журналом «Логос» — международным ежегодником по философии культуры, издававшимся в Москве и Праге в 1910–1914 и 1925 г., в котором публиковались такие «буржуазные» социальные мыслители, как А. С. Лаппо-Данилевский, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и др., тот сообщил, что в его личной библиотеке этот журнал был. Однако в ожидании ареста Чагин был вынужден уничтожить все свои номера «Логоса» [Докторов, 2016: 30-31]. Этот факт говорит о *вынужденном и преднамеренном пресечении*

исследования и развития каких-либо иных направлений в социологическом знании, кроме марксистских, т. е. преднамеренном прерывании связи с прошлым.

Далее. Т. И. Заславская на вопрос Б. З. Докторова «Как вернее называть недавний период развития нашей социологии: *советской социологией* или *советским периодом (этапом) российской социологии?*» (курсив наш. – Л. К.) отвечает: «Мне кажется, что правильнее – советской социологией. Ведь этапы – это части целостного процесса: зарождение, созревание, зрелость... причем всё это должно быть непрерывным. *А в российской социологии был огромный разрыв между 1920-ми годами и началом 1960-х* [курсив наш. – Л. К.]. В стране социологии 40 лет не существовало, она была разгромлена, называлась буржуазной лженаукой». И далее – пояснение: «...я не очень хорошо знаю историю дореволюционной российской социологии, но, по моему, она была сравнительно слабой. Мы знаем всего несколько имен. Туган-Барановский, Ковалевский... Питирим Сорокин был яркой фигурой, но в российский период он еще был молодым и далеко не раскрылся. Только-только начинала развиваться социология, это был лишь бутон. Но его сорвали, и потом на том месте долго ничего не росло» [Докторов, 2016: 27]. Очевидно, что утверждение о слабом развитии дореволюционной российской социологии ошибочное, на доказательствах чего мы здесь не имеем возможности остановиться. Отошлем лишь к свидетельствам Н. И. Кареева (1950-1931) или П. А. Сорокина (1889-1968), наших современников, - например, глубоких специалистов в области истории дореволюционной социологии И. А. Голосенко или В. В. Сапова. В приведенной цитате подтверждается, что происходила постепенная переоценка прошлого социологии, когда отменялся интерес к ней с последующим постепенным забвением её дохрущевского времени, что острее проявилось, видимо, в начале 1960-х⁷²¹.

На подобный вопрос о названии «советская социология» В. А. Ядов (1929-2015) ответил: «Создаваемое в период “оттепели” никоим образом не опиралось на *дореволюционных гигантов отечественной социологии*. <...> Это – проблема самоидентификации. В науковедческом тексте, я согласен, шестидесятников следует именовать советскими социологами *хотя бы потому, что немалый вклад внесли наши товарищи из ныне суверенных государств*» (курсив наш. – Л. К.) [Докторов, 2016: 28]. Важно, что В. А. Ядов указывает на проблему самоидентификации исследователя, от которой зависит и угол его зрения на то, как расценивать те или иные идеи в науке, с чем соглашаться, а с чем нет. Докторов приводит и более осторожные и вместе с тем конструктивные слова Ядова: «...преподносить историю нашей социологии как продолжение русской традиции не совсем правомерно. *Надо внимательнее*

---

⁷²¹ Показательна метафора Б. М. Фирсова, которую хочется приурочить к данному замечанию: «...помню отчетливо время (после 1984 г.), когда я, будучи изгнанным из Социологического института, нашел прибежище в стенах Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера). Погрузившись в чтение фолиантов, я обнаружил, что эти новые для меня дисциплины изначально *возводят в императив знание трудов предшественников. Советская социология (титомцем которой я являюсь) остановила свой стартовый выбор на информации, которая хранилась тогда в оперативной памяти науки, и только после этого обратилась к базам данных, хранившимся на “жестких дисках”*» (курсив наш. – Л.К.) [Фирсов, 2011: 238-239].

посмотреть, какие на самом деле были традиции, где они работали и где нет, что просто приписывалось» (курсив наш. – Л. К.) [Докторов, 2016: 27]. С этим нельзя не согласиться; вот именно, надо «внимательно посмотреть», поскольку попыток установить идейные связи внутри отечественной социологии пока не наблюдается. Тем более пока не реализовывалась и широкая аналитическая установка - рассмотреть историю отечественной социологии в социально-культурном аспекте, что могло бы обновить и обогатить её картину.

Сейчас для истории нашей социологии – время постановки вопросов. Как пишет Б. З. Докторов, «ретроспекция не бывает абсолютной, она осуществляется в некой системе координат, и наши вопросы должны образовать эту координатную сетку. Тогда они будут стимулировать поиски во всех областях историко-наукоедческого пространства...» (курсив наш. – Л.К.) [Докторов, 2016: 25]. Такие вопросы должны расширять историко-наукоедческое пространство и способствовать развитию исторического сознания российских социологов, а значит, соединению «связи времен» в истории отечественной социологии.

Библиографический список

Алексеев А. Н. Замечание об истории социологии «с человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 64.

Ассман А. Введение // Распалась связь времен? Взлет и падение темпоральной культуры Модерна / Алейда Ассман; Пер. с нем. Б. Хлебникова; Пер. английских цитат Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с. ISBN: 978-5-4448-0499-5. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/aleyda-assman/raspalas-svyaz-vremen-vzlet-i-padenie-temporalnogo-rezhima-moderna/> (дата обращения 04.05.2020).

Ассман А. Трансформации нового режима времени / Пер. с англ. Вл. Кучерявкина под ред. А. Скидана // Новое литературное обозрение. 2012. № 4. С. 16-31.

Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.

Батыгин Г. С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Изд-во Ин-та социологии, 1998. С. 23-44. ISBN 5-89697-011-0

Дмитриев А. Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства. [Электронный ресурс] // НЛО. 2007. № 88. URL: <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/722/724/index.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. [электронный ресурс] / Докторов Б. З., редактор-консультант А. Н. Алексеев, редактор электронного издания Е. И. Григорьева. – Электрон. текст. дан. (объем 253 Мб). М.: ЦСПиМ. 2016. 5901 стр. с илл. 1 электрон. опт. Диск. [URL: URL: http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/menu.htm]

Историческая наука и историческое сознание / Б. Г. Могильницкий, И. Ю. Николаева, С. Г. Ким, В. М. Мучник, Н. В. Карначук. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 234 с.

Канто А. С. Социологический ренессанс: о том, как на самом деле это было и как не было. М.: Изд-во «У Никитких ворот», 2018. 656 с. ISBN 978-5-00095-505-5.

Козлова Л. А. Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 105-113.

Козлова Л. А. Создание первого академического института социологии — ИКСИ АН СССР, 1968: атмосфера и участвующие субъекты // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 3. С. 117–140. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5996

Козлова Л. А. О реконструкции истории послереволюционной социологии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 61-64.

Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод / Ю. А. Левада // Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А. В. Гулыга, Ю. А. Левада. М.: Наука, 1969. С. 186–224.

Репина Л. П. Историческая культура как предмет исследования: введение // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под. ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 5-55. ISBN: 5-7396-0099-5.

Репина Л. П. Память истории и историческое сознание в фокусе категориального анализа М. А. Барга // Харківський історіографічний збірник. Вып. 14. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, 2015. С. 5-16.

Репина Л. П. Эффекты «непостижимого ускорения», или феномен презентизма в истории исторического сознания // Диалог со временем. Альманах актуальной истории. 2018. № 65. С. 48-58. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2018.65.20758>

Стёпин В. С. Историко-научные реконструкции: плюрализм и кумулятивная преемственность в развитии научного знания. [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2016. № 6. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1408&Itemid=52 (дата обращения 09.05.2020).

Теодор Шанин: «Советская социология была похожа на двугорбого верблюда» // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 3. С. 8-16.

Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина; 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с. ISBN 978-5-906578-12-9.

Федорова М. М. История/память: «трудная» дилемма // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 108–121. УДК 130.2 DOI: 10.21146/2074-5869-2018-23-1-108-121

Фирсов Б. М. Две жизни одной науки: традиции и роли социологии в России и СССР // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 221-240.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Чагин Б. А. Очерк истории социологической мысли в СССР (1917–1969) / Б. А. Чагин; АН СССР. Институт философии Ленинградского сектора. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1971. 244 с.

Я был и остаюсь сторонником материализма в социологии. Интервью с профессором Василием Яковлевичем Ельмеевым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Том X. № 2. С. 5-18.